

Статус китайских подданных в Приамурье по итогу заключения Айгунского договора 1858 г.

Научный руководитель – Тутаев Илья Васильевич

Узбеков Даниэль Витальевич

Студент (бакалавр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -

Санкт-Петербург, Юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: uz01daniel@mail.ru

В середине XIX в. империя Цин находилась в ослабленном состоянии из-за Опиумных войн и Тайпинского восстания, что позволило Российской империи поднять вопрос о демаркации российско-китайской границы. В 1858 г. между государствами был заключен Айгунский договор, согласно которому, помимо перехода левобережья Амура России, предусматривался для местного населения особый экстерриториальный статус, уникальность которого заключалась в отсутствии подобных прецедентов в российской имперской практике. Вместе с тем возникает вопрос, в чем именно заключался правовой статус китайских подданных по итогу заключения Айгунского договора.

Разные аспекты развития дальневосточной российско-китайской границы так или иначе находили отражение в научной литературе, однако правовой статус китайского населения на территории России в середине XIX в. не становился предметом комплексного исследования. Первыми к изучению положения китайских подданных обратились дореволюционные чиновники (например, военные губернаторы Амурской области И.К. Педашенко (1866-1874 гг.), И.Г. Баранов (1880-1881 гг.), приамурские генерал-губернаторы А.Н. Корф (1884-1893 гг.), С.М. Духовский (1893-1898 гг.)), напрямую соприкасавшиеся с проблемой правового регулирования и оставившие после своей деятельности материалы в отчетах и записках, которые и послужили основой для составления научной литературы регионоведами. Советская историография не уделяла значительного внимания данной проблеме юридического статуса китайцев. Новый же этап в изучении начался в 1990-2000-е гг., когда начался многовекторный анализ процессов и институтов, связанных с китайским населением и русско-китайскими контактами (Т.Н. Сорокина, Е.И. Нестерова, А.А. Киреев).

В силу того, что в историографии положение китайского населения рассматривалось комплексно, при переносе акцента на социальные или экономические составляющие, юридические аспекты данной проблемы не становились целью узконаправленного исследования, что и обуславливает новизну авторского подхода. В силу юридической специфики основными источниками будут русско-китайские договоры (Айгунский договор 1858 г., Тяньцзинский трактат 1858 г., Пекинский договор 1860 г.). Характер же источников и существо поставленной цели предполагает необходимость использования формально-юридического метода, который позволяет определять юридические понятия, выявлять их признаки, толковать содержание правовых норм.

Анализ ст. 1 Айгунского договора позволяет сделать вывод, что данный русско-китайский договор признавал за российской стороной лишь присоединение территории Приамурья, в то время как за «маньчжурскими жителями» признавался особый статус, предполагающий «ведение» со стороны цинского правительства [4, с. 29-30].

При этом «под ведением маньчжурского правительства» оставались именно цинские подданные. Как представляется, формулировка «маньчжурские жители» не несла в себе этнической коннотации. Подобный вывод можно сделать, исходя из того, что цинское

правительство также обозначается «маньчжурским», что исключает этнической дифференциации китайских подданных Приамурья в рамках предоставления им особого положения в пределах российского правового поля, однако в рамках взаимодействия с цинским правительством социально-этническое разделение сохранялось с привилегированным положением маньчжуров. Следовательно, особый юридический статус получали проживающие на обозначенной российской территории маньчжуры, дауры и ханьцы (китайцы). В отечественной историографии для обозначения этой особой социальной группы было введено понятие «зазейские маньчжуры».

По сути дела, по Айгунскому договору «зазейские маньчжуры», оставаясь цинскими подданными, продолжали нести военную службу и выплачивать различные налоговые повинности в пользу Китая. Сохранялось и административное управление: Е.И. Нестерова выделяет как «внутреннее», общинное - через старост и старшин, которые назначались цинскими властями и подчинялись непосредственно им, так и внешнее - через губернаторов приграничных провинций Китая, в первую очередь айгунского фудутуна и других чиновников [3, с. 58-59]. Подобная устойчивая связь между китайским населением и цинским правительством не была урегулирована Айгунским договором, а складывалась из прежних отношений подданства и вытекающих из него правовых практик, следовательно, помимо Айгунского договора, статус китайских подданных Приамурья формировался под влиянием правового обычая.

Таким образом, с точки зрения международно-правовой теории, как пишет Э. Лор, Айгунский договор предоставил «зазейским маньчжурам» экстерриториальные права и выход из российского правового поля (правовой иммунитет) [2, с. 66]. Однако дарование подобного статуса - беспрецедентный случай для российской практики, так как в последующих русско-китайских договорах подобных положений, предоставляющих экстерриториальный статус, не было ни в Тяньцзинском трактате 1858 г., ни в Пекинском договоре 1860 г. Можно предположить, что российская сторона при заключении договора пошла на такие уступки, так как на момент середины XIX века дальневосточная административная система, по мнению А.А. Киреева, находилась на значительно отдаленном расстоянии от имперского центра и не обладала достаточными финансовыми и военными ресурсами и рычагами контроля, вследствие чего китайской стороне удалось добиться подобного статуса для своих подданных [1, с. 145-148].

Подводя результаты настоящего исследования, можно сделать следующие выводы. Статус китайского населения российского Приамурья можно охарактеризовать как экстерриториальный в полном объеме, так как «зазейские маньчжуры» выходили из поля правового регулирования российской администрации. В то же время китайское население, оказавшееся в пределах Российской империи, по другим договорам (в первую очередь Пекинскому договору 1860 г.) не обладало подобным правовым статусом, что подтверждает уникальность правового положения «зазейских маньчжур».

Источники и литература

- 1) Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI в.). Владивосток, 2011.
- 2) Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / Пер. с англ. М. Семиколенных. М., 2017.
- 3) Нестерова Е.И. Система управления иммигрантами на Дальнем Востоке (1860-1884) // Россия и АТР. Владивосток. 2000. №2. С. 58-67.
- 4) Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958.